

К.А. КОЧЕГАРОВ

Москва

Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684—1689 гг.

Династические связи играли важную роль во взаимоотношениях европейских государств в Средневековье и в Новое время. Древняя, а позднее Московская Русь не были здесь исключением. Великий князь Иван III, при котором международное значение Русского государства заметно возросло, попытался вывести династическую политику на новый уровень, считая отныне ниже своего достоинства устраивать брачные связи представителей московского великокняжеского дома с представителями княжеских родов Северо-Восточной Руси, которые превратились в его подданных. Сам он женился вторым браком на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог, старшему сыну Ивану подыскал в невесты дочь молдавского господаря Стефана Великого, дочь Елену выдал за литовского великого князя Александра, а сыну Василию (будущий великий князь Василий III) сватал дочь датского короля Елизавету¹. Однако по причинам политического и религиозного характера браки московских Рюриковичей, а позднее и первых Романовых с представителями других владетельных домов Европы не приобрели характера устойчивой традиции².

Так в Московской Руси, начиная с Василия III, почти на 200 лет утвердился обычай, когда государь выбирал себе невесту среди своих подданных. Несмотря на это, внешнеполитические интересы по-прежнему диктовали русским великим князьям и царям необходимость установления династических связей с правителями европейских стран, и в первую очередь, с соседями Русского государства. С этим были связаны и попытки царя Ивана IV Гроз-

ного жениться сперва на Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда Августа, а затем на Мэри Гастингс, «племяннице» английской королевы Елизаветы³. Однако эти планы не были осуществлены. И в дальнейшем, когда в 1615 г. императорский двор попытался выяснить вопрос о возможности брака русского царя с кем-то из рода Габсбургов⁴, или же два года спустя, когда подобный же зондаж пробовала осуществить московская дипломатия в отношении шведского королевского семейства⁵, подобного рода попытки не имели последствий. В начале 1620-х гг. русское правительство вынашивало замыслы женить царя Михаила сначала на дочери голштейн-готторпского герцога и племяннице датского короля Доротее Августе, а затем на Екатерине, сестре бранденбургского курфюрста и одновременно сестре жены шведского короля Густава-Адольфа. И.Е. Забелин писал, что якобы по инициативе отца царя Михаила Федоровича — патриарха Филарета, в московских правящих кругах возникала даже идея замужества русского монарха с дочерью польского короля для упрочения мирных отношений между Россией и Речью Посполитой⁶. Известны и другие безуспешные попытки установить родственные связи между представителями царствующей в России династии с владетельными родами Европы⁷. Аналогичные замыслы бытовали при московском дворе и в 80-е годы XVII в. при преемниках царя Алексея Михайловича. Важно и то, что матримониальные планы Романовых привлекли внимание польских и немецких дипломатов и их агентов, а это в свою очередь свидетельствовало об интересе западных соседей к России, о ее возросшей вовлеченности в сферы европейской политики на востоке континента.

В 1681 г. польский посланник в России Станислав Невестинский, видимо, со слов кого-то из русских царедворцев, сообщал в зашифрованном послании от 8 (18) декабря*, что «цесарь христианский» пользуется большой любовью у всего русского народа, а царь якобы не хочет брать жену из местных девиц⁸. Последнее замечание касалось новых выборов царской невесты, которые начались после смерти царицы Агафьи Симеоновны, скончавшейся в июле 1681 г.⁹ Возможно, эта информация отражает некие планы царского окружения (или даже самого Федора Алексеевича) попытаться найти государю невесту среди представительниц императорского дома Габсбургов.

* Все даты в статье даны по двум стилям.

В данной статье рассматриваются малоизвестные попытки русских правящих кругов организовать брак царя Петра Алексеевича сначала с дочерью имеретинского царя Арчила II, а затем — с дочерью польского короля Яна III Собеского. Планы эти возникли не только, исходя из внешнеполитических обстоятельств, но, даже в большей степени по соображениям внутривластных под влиянием соперничества и борьбы придворных группировок в период регентства царевны Софьи Алексеевны. По традиции в историографии эти группировки обозначаются по именам царских родственников Милославских (сторонников старшего из братьев-соправителей — царя Ивана Алексеевича) и Нарышкиных (сторонников младшего царя Петра I).

Политической борьбе при русском дворе последней четверти XVII в. посвящена солидная историография¹⁰. Поэтому, не вдаваясь в подробности высказанных исследователями точек зрения и версий, следует отметить две отмеченные в историографии важные для нашей темы характерные черты. Во-первых, невозможность четкого определения границ, разделявших противоборствующие стороны, в условиях, когда вся придворная среда в целом, помимо «партийных», была пронизана личными и родовыми связями. Это предопределяло существование, помимо двух основных противоборствующих «партий», множества более мелких групп в рядах правящей элиты, как долговременных, основанных на относительно постоянных интересах, так и ситуативных, складывавшихся как ответ на конкретный вызов и распадавшихся, когда вызвавшая их к жизни проблема теряла свое значение. Причем состав этих объединений, мог вовсе не соответствовать составу группировок Нарышкиных и Милославских, а разделявшие их противоречия (или мотивы объединения) отражать косвенно, либо вовсе не отражать, генеральные предпосылки вражды двух «партий».

Во-вторых, неоднородность и непостоянность состава противоборствующих «партий», неустойчивые позиции лидеров каждой из них. Это предопределило и то, что после вспышки между ними открытой вражды в 1682 г., в дальнейшем по мере стабилизации политической ситуации, соперничество Милославских и Нарышкиных не исключало и сотрудничества, попыток поиска компромиссов и соглашений по отдельным проблемам, в разном формате и на различных уровнях.

В 1682—1689 гг. внутривосточная борьба в Русском государстве оказалась связана с отношениями России с ее важнейшим соседом и соперником на западе — с Польско-Литовским государством — Речью Посполитой. Польский королевский двор проявлял живой интерес к событиям русской «смуты» 1682 г., пытаясь использовать их в своих интересах. Искала поддержки Речи Посполитой и группировка Нарышкиных. Посредником в этом был выбран выехавший несколько лет назад на царскую службу из Польши галицкий шляхтич Павел Негребецкий. Его-то вдовствующая царица Наталья Кирилловна Нарышкина и попросила написать польскому королю письмо или передать соответствующее обращение иным способом. Негребецкий исполнил просьбу царицы. В ответ король в начале 1683 г. направил в Россию своего агента — Дмитрия Поплавского. В марте тот прибыл в Москву вместе с братом Гаврилой якобы для взыскания долгов с проживавшего в столице мещанина белорусского происхождения Максима Янышевича. Однако Д. Поплавский был схвачен, когда получал письма от Негребецкого. Вместе с братом его вывезли за город, где под пыткой их допросил Ф.Л. Шакловитый. В итоге Поплавского казнили.

При польском дворе, по-видимому, даже строили планы организации побега Натальи Кирилловны с сыном Петром в Речь Посполитую. Инструкции на этот счет имел Иосиф Лядинский, прибывший в Москву в свите посланника Станислава Бентковского в феврале 1683 г. Лядинский должен был провести об этом переговоры со своей теткой — игуменьей Новодевичьего монастыря Антониной Даниловной. Авантюра окончилась неудачей еще и потому, что Антонина Даниловна поддерживала тесные связи с царевной Софьей¹¹.

По свидетельству нидерландского дипломата Иоганна Келлера, посланник Бентковский просил разрешения оставить одного из своих товарищей в русской столице в качестве «резидента». Русское правительство ответило отказом, поскольку знало, что ранее польский посланник был выслан к Смоленску со шпионской миссией¹². Возможно, этим представителем, за которого хлопотал Бентковский, и должен был стать И. Лядинский, чтобы, наряду с другими обязанностями, поддерживать и связи с Нарышкиными.

Если Д. Поплавский, исполняя поручение Яна Собеского, заплатил жизнью, то Негребецкого Нарышкины смогли каким-то

образом, хотя и не на долго, вырвать из рук палачей. Ранее об этом можно было судить только на основе косвенных данных: отсутствия галицкого шляхтича в списке кормовщиков московского чина за 7191 (1682/83) год, появления его там вновь в 7192 (1683/84) г. и окончательного исключения из списка впоследствии¹³. Иные свидетельства, к сожалению не замеченные нами ранее, позволяют уточнить эти предположения. Свидетелем скоротечной расправы с Павлом Негребецким, произошедшей среди бела дня в центре Москвы, стал саксонский дипломат Лаурент Ринхубер, находившийся в России с июня по сентябрь 1684 г. Вот как описывает он это событие: «Был здесь, при дворе, молодой дворянин или камер-юнкер, кавалер пан Негребицкий, которой хорошо вел себя и нравился при дворе. Однажды вижу я, что идет он в сопровождении нескольких человек по большой площади и, казалось, умолял их о чем-то. Вдруг палач, не спросившись позволения и без дальней церемонии, отрубил ему голову. Тут же стояло несколько человек с длинным куском красной шелковой материи, должно быть присланным его приятелями. Они подбежали к мертвому телу, обернули его в материю раз пять или шесть и побежали прочь так быстро, словно труп жег им руки. Все оставались в недоумении, чтобы это значило».

Из описания трудно однозначно заключить, была ли это казнь, совершенная по каким-то формальным основаниям или же заранее спланированное убийство. Возможно, люди с тканью были подручными убийц, в задачу которых входило замести следы преступления, а не приятелями П. Негребецкого. Дальнейшие сообщения Л. Ринхубера о дошедших до него слухах не оставляют сомнений, что речь идет именно о Павле Негребецком: «Но сказывают, будто он (Негребецкий. — *КК*), разговаривая раз с приятелями, похвастался, что он находится в тесной связи с одною высокою званием девицею (царица Наталья Кирилловна. — *КК*), и даже писал в одном письме в Польшу, что он собирается уже Е.Ц.В. (его царское величество, т. е. видимо царя Петра. — *КК*) взять с собою в Польшу к Польскому двору»¹⁴. Уточнить время убийства Негребецкого позволяет свидетельство находившегося в Москве датского дипломата Гильдебранта фон Горна. 11(21) июля 1684 г. он сообщал исполнявшему обязанности канцлера Дании Конраду фон Ревентлову, что в русской столице пять или шесть дней назад отрубили голову некому придворному по фамилии Негребецкий, из-за того, что он

написал несколько писем польскому королю, которые касаются «теперешнего правительства»¹⁵.

Возможно, что убийство Негребецкого было связано с новой попыткой Нарышкиных установить контакты с польским двором. Краткая информация об этом содержится в депеше папского нунция Опцио Паллавичини в Речи Посполитой от 26 ноября (6 декабря) 1684 г. (из Жолквы). Он сообщает о перехвате в «Московии» очередного послания Нарышкиных польскому королю. Нунцию было известно, что в не дошедшем до адресата письме Наталья Кирилловна просила Яна Собеского оказать протекцию своему сыну, уверяя, что рассчитывает исключительно на его помощь и покровительство, а также сообщала о воцарении старшего брата в результате стрелецкого мятежа¹⁶. На депешу нунция обратил внимание еще Е.Ф. Шмурло, хотя он и не верил в существование контактов между Нарышкиными и польским двором¹⁷.

Как известно, некий пересказ переданного через Негребецкого послания царицы Натальи отложился в варшавском Архиве древних актов¹⁸. Документ, помеченный пятым сентября по новому стилю, ввел в научный оборот польский историк Збигнев Вуйчик, датировавший его 1684 годом¹⁹. По нашему мнению, более вероятной представляется датировка — 1682 годом²⁰, поскольку попытки польского двора установить ответные контакты с Нарышкиными относятся к началу 1683 г. По всей видимости, З. Вуйчик знал о депеше О. Паллавичини, и отсюда его датировка «послания» Натальи Кирилловны. Мы в свое время, не обратили внимание на этот источник, однако представляется, что депеша нунция не может служить убедительным основанием для изменения высказанного ранее мнения по ряду причин. Во-первых, О. Паллавичини, мог узнать о факте обращения Нарышкиных к Яну Собескому гораздо позже, нежели адресат. Во-вторых, содержание разных по времени «посланий» могло быть примерно одинаковым, и, в-третьих (самое главное), 27 августа (5 сентября) 1684 г. Негребецкий был уже мертв более двух с половиной месяцев (о чем не знал З. Вуйчик) и поэтому не мог ничего передать. Даже если указанная дата — это день получения «послания» царицы польским королем, то убийство Негребецкого (о галицком шляхтиче в документе подробно рассказывается) или его арест в 1683 г. должны были бы получить в нем свое отражение. В тоже время мы можем связать гибель Негре-

бецкого в середине июля 1684 г. с упомянутой нунцием попыткой Нарышкиных вновь обратиться к польскому королю.

В истории сношений Нарышкиных с польским двором еще много неясного в связи с крайней скудостью источников, однако, нет сомнений, что в 1682—1684 гг. они имели вполне реальный характер. Эти контакты, хотя и не оказали существенного влияния на внешнюю политику России в целом, и отношения с Речью Посполитой в частности, вместе с тем отчасти объясняют последующее обращение русской стороны к королю Яну III с предложениями брачного союза.

Сколь важную роль играл брак каждого из царей в борьбе придворных группировок, отметил императорский гонец Иоганн Эбергарт Гевель, побывавший в Москве в феврале 1684 г., вскоре после женитьбы царя Ивана V Алексеевича на Прасковье Салтыковой. На данной Гевелю аудиенции отсутствовал царь Петр. Проницательный немец, не поверив заявлениям пристава, что Петр нездоров, предположил, что между братьями (а точнее между их окружениями) произошла размолвка из-за брака старшего, которому Софья «навязала жену» в надежде на рождение в этом браке сыновей, что лишило бы младшего брата прав на престол²¹. Будет логичным предположить, что в своих рассуждениях И.Э. Гевель исходил из ходивших по столице слухов, которые, как правило, тщательно собирались иностранными дипломатами. Правильность его выводов подтверждает в своих воспоминаниях князь Б.И. Куракин, отмечая, что Софья, «хотя себя укрепить вечно в правлении под именем своего брата царя Иоанна Алексеевича, взяла резолюцию его, брата своего, женить». «И сию женитьбу, — продолжает далее Куракин, — в том виде учинила, чтоб видеть сыновей от брата своего и наследников к короне»²².

Женитьба царя Ивана ослабила политические позиции Петра и его окружения²³. Стремление Нарышкиных не допустить дальнейшего ухудшения своего положения заставляло их начать поиски невесты молодому царю, не смущаясь его молодостью. Как представляется, едва ли прав был Е.Ф. Шмурло, утверждавший, что «слишком ранние годы Петра не позволяли Наталье Кирилловне тогда же последовать примеру падчерицы»²⁴. Одним из главных стимулов для Нарышкинской «партии» женить Петра, видимо было то, что это означало бы его совершеннолетие и давало бы Нарышкиным официальный предлог требовать от-

странения от власти регентши царевны Софьи, что повлекло бы за собой падение и ее сторонников. Дополнительным аргументом для царского окружения в пользу столь ранней женитьбы Петра могло бы послужить и то, что он выглядел значительно старше своих лет. По словам секретаря шведского посольства, одиннадцатилетний Петр Алексеевич казался шестнадцатилетним юношей²⁵.

Любопытные свидетельства о России 1680-х гг. оставил саксонец Георг Адам Шлейссингер. Публикатор его записок — Л.П. Лаптева на основе анализа их текста сделала вывод, что саксонец покинул Россию не позднее 1686 г.²⁶ Русские источники позволяют не только точно установить, когда Г.А. Шлейссингер прибыл и когда покинул Москву, но и выяснить цель его приезда, а также род занятий саксонца, о которых ранее исследователям не было известно практически ничего. В марте 1685 г. в Посольский приказ подал челобитную «амбурские земли торговой иноземец Ивашко Николаев сын Фарюс». Он сообщал, что отпускает за границу нанятого им «школьного мастера» Юрия Слейзинка (т. е. Г.А. Шлейссингера) через Великий Новгород и Псков и просил выдать ему проезжую грамоту²⁷. Согласно подготовленной в приказе выписке «саксонские земли школьной мастер» Г.А. Шлейссингер явился туда по приезде из Великого Новгорода 7 (17) мая 1684 г., заявив «в допросе», что прибыл в русскую столицу «для учения детей» Ивана Николаева сына Фарюса «на время»²⁸. О получении саксонцем проезжей грамоты на выезд из России хлопотал стряпчий «галанские и амбурские кампанеи» Иван Якимов, который 13 (23) марта поручился в Посольском приказе, что на Шлейссингера ни в приказах, ни московской большой таможне «дела никакова нет»²⁹. Двумя днями раньше подготовленную дяками выписку «слушал» в приказе В.В. Голицын, приказавший подготовить для саксонца проезжую грамоту, которая и была выдана с датой 16 (26) марта 1685 г.³⁰

В своих записках Г.А. Шлейссингер правильно указывает очередность прибытия иностранных посольств и миссий (шведского, австрийского и др.) в Москву за время, что он жил в городе. Выехал саксонский учитель из Москвы, по его словам, вместе со шведским дипломатом Кристофером фон Кохеном, приехавшим по торговым делам³¹. Речь идет о приезде Кохена в Москву в феврале 1685 г. Главной задачей посланника было согласование сроков и других вопросов, касавшихся высылки су-

дей для межевания русско-шведской границы, что предусматривалось московским договором России и Швеции, заключенным в 1684 г. Однако Шлейссингер не ошибся: в ходе переговоров с В.В. Голицыным шведский дипломат действительно настаивал, чтобы высланные на пограничный съезд комиссары получили «полную мочь говорить о торговом деле», зафиксированном в 6 статье московского договора («как ему к прибыли и ко умножению быть»). Голицын, впрочем, не принял шведского предложения, заявив, что действующий в России Новоторговый устав и предыдущие русско-шведские договоры регулируют вопросы торговли с достаточной полнотой, в результате чего между обоими государствами «торг волной», а все возникающие спорные вопросы в этой сфере следует решать через «обсылки» русских царей и шведского короля³². 3 (13) марта 1685 г. Кристофер фон Кохен был «на отпуске» у царей и покинул Москву 10 (20) марта³³.

Наблюдательность Г.А. Шлейссингера и достоверность его свидетельств, а также то, что уехал саксонский учитель из России в марте 1685 г. (а не как предполагалось ранее — около 1686 г.) придают особое значение его сообщению о брачных связях молодых царей и позволяют внести коррективы в датировку описываемых событий. Саксонец пишет, что у царя Ивана «есть жена — боярская дочь. Но наследников нет. Говорят, что младшего уже тайно обручили»³⁴. Конечно же, Шлейссингер вряд ли был вхож в дома царских придворных или первых лиц государства, а вращался в обществе живших в Москве иностранцев. Поэтому его сообщение почерпнуто из обсуждавшихся в этой среде сведений о жизни царского двора. Известие о тайном обручении царя Петра вполне могло быть слухом, однако в основе его, несомненно, лежала верная информация об активном поиске петровским окружением невесты молодому царю, начавшемуся вскоре после свадьбы царя Ивана.

Упоминание о подготовке царской свадьбы содержится в письме литовского канцлера Марциана Огинского Станиславу Антонию Щуке, регенту коронной канцелярии и доверенному советнику польского короля Яна III Собеского. Послание Огинского не датировано, не указано и место его написания, более того, в т. н. «портфелях» Щуки в составе Публичного архива Поттоцких оно сохранилось среди писем за 1687 г. Однако, исходя из его содержания, письмо можно вполне уверенно связать

с приездом М. Огинского в Москву в составе посольства Речи Посполитой для переговоров о Вечном мире в феврале 1686 г.

Канцлер сообщал регенту о слухах, что калмыки уже то ли подняли восстание, то ли собираются это сделать. Далее М. Огинский отмечал, что непосредственно перед тем, как он получил полномочную грамоту и письмо от короля, русские «целую ночь сидели на Думе» и уже на следующий день В.В. Голицын стал гораздо более любезен и обходителен по отношению к литовскому канцлеру, нежели ранее. Огинский, впрочем, не строил иллюзий, отмечая, что лишь когда русских что-либо «боднет в бок», их приязнь в отношении дипломатов Речи Посполитой возрастает и выражал опасения, как бы дела польско-литовского посольства в Москве не пошли хуже. Канцлер писал о приложенных им немалых усилиях, чтобы добиться отсрочки планируемого ответного русского посольства в Польшу (несмотря на то, что один из послов — И.И. Чаадаев был якобы уже назначен) и приурочить его к предполагавшемуся обмену резидентами между Россией и Речью Посполитой. Что касается «наших дел», отмечал Огинский намекая на их общую со Щукой заинтересованность в получении денежных компенсаций за оставшиеся после 1654 г. на территории России имения, то в этом вопросе, по его мнению, еще следовало многое прояснить. В конце письма литовский канцлер сделал важное наблюдение: «Wesele carskie znowu przerobione, że i dziewica narzeczona siedzi w pałacu, i car nie ożeniony»*. За всем этим стояли, как отмечал Огинский усилия «*tertiaе imperantis*» («третьей властвующей») в которой нетрудно угадать царевну Софью³⁵.

Имея в виду просьбу Огинского о присылке ему от короля полномочной грамоты, то можно предположить, что документ мог быть составлен в первые дни пребывания в Москве польско-литовских послов, начиная с 9 (19) февраля (дня въезда в Москву). 13 (23) февраля послы вручили русским дипломатам во главе с В.В. Голицыным «королевского величества полномочную грамоту за королевскою рукою и за печатью маестатовою да лист полной мочи Речи Посполитой за руками и за печатями»³⁶. Вряд ли литовский канцлер стал упоминать о факте получения (через почту или с нарочным) одной из них спустя значительное время после этого события. Не исключено также, что письмо

* «Свадьба царская снова переделана: и невеста сидит во дворце, и царь не женат».

было и вовсе написано между 9 (19) и 13 (23) февраля, когда Огинский уже находился в русской столице, но церемония объявления полномочий еще не состоялась.

В письме Огинского говорится об уже приготовленной царской свадьбе, которая расстроилась в последний момент из-за интриг Софьи, не смотря на то, что невеста уже «сидела во дворце». Пролить свет на личность кандидатки в жены царя Петра Алексеевича помогает документ, говорящий о секретной миссии другого члена посольства Речи Посполитой — уже упоминавшегося дипломата Иосифа Лядинского, и о сведениях, полученных им, вероятно, от его тетки — игуменьи Новодевичьего монастыря Антонины Даниловны³⁷. В секретном донесении сообщается о планах царя Петра (точнее, видимо, его окружения) жениться на дочери находившегося в России имеретинского царя Арчила II, изгнанного с родины другим грузинским царевичем, его свояком. Однако царица Софья, отмечалось в «реляции», была против этого брака, поскольку женитьба Петра означала бы его совершеннолетие и, следовательно, он мог бы на законных основаниях требовать удаления ее от власти. Опасалась царица, в связи с этим и возможных распрей Петра с Иваном³⁸, хотя за этим объяснением, данным сочувствовавшими Софье людьми, видимо, также скрывалась ее собственная боязнь утратить влияние на государственные дела. Документ этот был составлен сразу после 8 (18) апреля, так как в этот день царица Софья дала распоряжение игуменье Антонине начать через своего племянника И. Лядинского переговоры с канцлером М. Огинским³⁹.

Царской невестой могла быть единственная дочь Арчила II — Дареджан (Дарья) Арчиловна. В 1682 г. она прибыла вместе с отцом и остальными членами царской семьи в Астрахань. Русское правительство первоначально не только не внимало просьбам Арчила пропустить его с семейством в Москву, но и требовало выезда семьи имеретинского царя из Астрахани в Турки. Только после неоднократных настояний Арчила II в русскую столицу было позволено приехать его сыновьям Александру и Матвею (указ от февраля 1684 г., прибыли в Москву в августе). И лишь 27 марта (6 апреля) 1685 г. последовал царский указ о выезде в Москву самого имеретинского царя «со всем домом ево»⁴⁰. Учитывая, что свидетельство Г.А. Шлейссингера об обручении Петра относится к концу 1684 — началу 1685 гг., вполне вероятно,

что вызов семейства Арчила в Москву был непосредственно связан с планами Нарышкиных женить Петра на дочери имеретинского царя. Само разрешение выехать в столицу его сыновьям было дано вскоре после свадьбы Ивана V.

По сведениям Посольского приказа в 1681 г. Дарье Арчиловне было 14 лет ⁴¹, следовательно в 1686 г. — около 19-ти и она вполне могла рассматриваться как будущая супруга Петра, хотя и была старше его на четыре года. Следует отметить, что царица Прасковья была старше Ивана Алексеевича на два года. Почти на три года была старше Петра Алексеевича и его первая жена, Евдокия Федоровна (в девичестве Лопухина).

Содержанием семьи Арчила II во время его пребывания в Астрахани и путешествия в Москву ведал приказ Казанского дворца во главе с Б.А. Голицыным⁴², одним из предводителей «партии» царя Петра. Возможно, он и рекомендовал Дарью Арчиловну в супруги молодого монарха. Навстречу двигавшемуся в русскую столицу семейству имеретинского царя был выслан стольник С.П. Нелединский. Среди прочего ему было поручено от имени царевен и цариц «спросить о здоровье» жену Арчила II и их детей. Нелединский встретил семейство имеретинского правителя во Владимире. Получив аудиенцию у царицы Екатерины, он спросил ее о здоровье от имени «великих государынь цариц и от великих государынь царевен». Однако Дарья Арчиловна на этой встрече отсутствовала. Стольник заявил, что «велено ему спросить о здоровье и дочь их, и чтоб видетца». Однако ее отец отказал в этом Нелединскому, сославшись на то, что «дочере де их за приключившеюся болезнию вытти невозможно, да и обыкновения де у них такова нет, чтоб девицам х кому выходить». Подобного же ответа («дочь де его давно неможет же») был удостоен и князь Ю.Я. Хилков на аудиенции 5 (15) декабря в селе Покровском⁴³.

Предположение, что оба посланца хотели увидеть Дареджан Арчиловну именно как предполагаемую невесту царя, можно подкрепить рядом косвенных данных. Так, С.П. Нелединский в 1676 г. был стольником царицы Натальи Кирилловны, а затем, видимо, и царя Петра Алексеевича⁴⁴. Комнатным стольником царя Петра был Ю.Я. Хилков⁴⁵, а его отец Я.В. Хилков — последовательным сторонником Нарышкиных⁴⁶.

Арчил с семьей прибыл в Москву в первой половине декабря 1685 г.⁴⁷ По времени с этим совпадают и сведения польских ис-

точников о подготовке свадьбы Дарьи Арчиловны и Петра Алексеевича в феврале — марте 1686 г. и период особого внимания русского правительства к находившемуся в Москве семейству имеретинского царя. В феврале 1686 г. царю Арчилу и всей его семье было прибавлено жалованье (с 3 до 4 тыс. руб. в год) и пожалованы несколько богослужбных книг⁴⁸, 12 (22) марта к нему «для работы» был послан мастер из Золотой палаты, «которой бы умел делать золотые иконные дела с финивтом»⁴⁹, в апреле — два золотых дела мастера «для работы» и иконописец «добрый» из Оружейной палаты⁵⁰. Подобные пожалования и царские милости оказывались семье имеретинского царя и позднее, однако уже не так часто⁵¹. Наконец 11 (21) февраля, уже после торжественной аудиенции, данной самому Арчилу II по приезду, цари Иван и Петр, царица Наталья Кирилловна, царевна Софья и царица Прасковья Федоровна (именно в таком порядке в посольской книге перечисляются члены царского семейства) «указали быть у себя на дворе на приезде» царице Екатерине Давыдовне. Прибыв, она направилась «в Верх до хорм великой государыни царицы и великие княжны Наталии Кирилловны». В посольской книге содержание встречи сводится лишь к церемониальным вопросам (вопрошение о здравии, жалование к руке, потчевание и объявление государского жалования)⁵², однако не исключено, что визит царицы Екатерины к матери царя Петра имел непосредственное отношение к подготовке его свадьбы с царевной Дарьей.

Вообще семья имеретинского царя пользовалась особым покровительством именно Нарышкиных, тогда как Милославские относились к ней с неприязнью. В грамотке Ф.Л. Шакловитому, написанной, видимо, из первого Крымского похода, «посольских дел оберегатель» В.В. Голицын на известие, «будто Арчила и иных хотят посылать над нами в Белгород», с возмущением спрашивал: «и то за что так нас тратят?»⁵³. Слухи о назначении имеретинского царя командовать Московским полком, а В.В. Голицына — Новгородским ходили еще в октябре 1686 г.⁵⁴ С этим, видимо, связаны и известия о не до конца ясных планах русского правительства «посадить» самого Арчила в Крыму в случае, если бы готовившаяся военная экспедиция на полуостров оказалась удачной⁵⁵.

Стоит также отметить, что в 1691 г. конфискованный московский двор В.В. Голицына был пожалован детям имеретинского

царя Александру и Матвею⁵⁶, к которым царь Петр и впоследствии был весьма расположен⁵⁷.

Попытки Нарышкиных женить Петра вызвали противодействие Милославских, что способствовало росту напряженности в отношении обеих «партий». Во время розыска 1689 г. Ф.Л. Шаковитый сообщил, что вскоре после заключения с Речью Посполитой Вечного мира Софья указала, «что б имя ее великия государыни писать обще с великими государи». Вскоре соответствующая память была прислана в Разряд из Посольского приказа для отправления грамот в города, а челобитные и приказные документы было велено оформлять соответствующим образом. Царица Наталья Кирилловна якобы в присутствии старших («болших») царевен, заявила, что ее сторонники этого так не оставят. В довершение Софья узнала, что Г.И. Головкин привел «в Верх» двух человек, якобы призывавших к передаче всей полноты власти в стране царю Петру. Все это, утверждал Шаковитый, вызвало «опасение» Софьи и ее сторонников. «А в которыя времена стрелцы для такова ж опасения были в сборе в городе», — признавал он. Кроме того, опальный дьяк акцентировал внимание и на присутствии в описываемое время (т. е. в конце весны — начале лета 1686 г.) в Москве царя Петра: «А великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич в то время был на Москве»⁵⁸. Датский торговый агент в Москве Розенбуш фон Бутенант не просто сообщал своему правительству, что после заключения Вечного мира между Софьей и Натальей Кирилловной возникли «большая подозрительность и разлад». К сожалению, он не мог сообщить подробностей, поскольку до осени 1686 г. не имел шифра для секретной корреспонденции⁵⁹. В сентябре 1689 г., по вышеприведенным показаниям Шаковитого был допрошен и В.В. Голицын. Князь, впрочем, все отрицал⁶⁰, а его очная ставка с Шаковитым, которого вскоре казнили, не состоялась. По всей видимости, этого не допустил один из руководителей розыска, князь Б.А. Голицын, стремившийся, несмотря на давнюю «партийную» вражду, всеми силами уберечь двоюродного брата от обвинений в измене государю⁶¹.

Однако в одном важном для нас пункте Голицыну пришлось признаться, а именно в присылке в Разряд памяти об именовании Софьи «великой государыней». В феврале 1691 г., во время нового допроса в Яренске, где бывший канцлер остановился по пути в ссылку, Голицыну была предъявлена соответствующая

память из Посольского приказа в Разряд от 8 (18) мая 1686 г. Князь, однако, оправдывался, что решение было принято «по общему их великих государей и великия государыни указу, и как в сиденье великие государи изволили сидеть обще с нею, великою государынею, и при них, великих государех во всяких делах читали обще их великих государей и ее, великия государыни имя». «А указу от них, великих государей, что мне ее великия государыни обще с ними не писать, не было» — утверждал он⁶².

Таким образом, принятие Софьей титула «великой государыни» именно в мае 1686 г., в связи с заключением русско-польского Вечного мира, отражало стремление царевны и ее окружения подготовить почву для сохранения власти в случае, если бы свадьба младшего царя состоялась. Все это привело к обострению отношений между противоборствующими «партиями». Впрочем, на этот раз брачный союз удалось расстроить, что, возможно, предотвратило вспышку открытой вражды.

Однако Милославские понимали, что рано или поздно Петр женится и станет полноправным государем. Нарышкины же сознавали, что не в силах в данный момент отстранить Софью от власти. Поэтому неудивительно, что обе стороны пытались найти некое взаимоприемлемое решение в вопросе о женитьбе царя. С этим, думается, и связаны были новые попытки поиска невесты Петру Алексеевичу.

Польский историк Збигнев Вуйчик ввел в научный оборот очень любопытный источник, касающийся попыток русских правящих кругов просватать за Петра Алексеевича дочь польского короля Яна III Собеского — Терезу Кунегунду⁶³. Это письмо мстиславского земского писаря Августина Константиновича, который, с ведома и по поручению литовского канцлера Марциана Огинского, поддерживал тайные дипломатические контакты с Москвой через агента Посольского приказа в Смоленске Назария Краевского⁶⁴. А. Константинович описывает в письме свои секретные переговоры со смоленским воеводой Б.В. Бутурлиным. Письмо (точнее копия его дешифрованного текста) датировано 9 (19) июля, место написания — Смоленск. Года на документе не проставлено. Польский исследователь относит его к 1686 г., когда между Россией и Речью Посполитой велись переговоры о заключении договора о Вечном мире. Однако содержание послания позволяет усомниться в предложенной З. Вуйчиком датировке.

Эти сомнения подтверждаются почерпнутыми из русских источников достаточно подробными сведениями о контактах Константиновича с русскими властями в Смоленске. Достоверно известно, что в 1687 г. Константинович по крайней мере дважды приезжал в Смоленск для получения второй части денежной суммы, которую Россия должна была выплатить Речи Посполитой по договору о Вечном мире. В феврале 1687 г. в Смоленск с этой же целью прибыл Александр Носович, посланец познанского воеводы Кшиштофа Гжимултовского, возглавлявшего делегацию Речи Посполитой на переговорах о Вечном мире годом ранее. Носович вручил смоленскому воеводе письма для В.В. Голицына от самого Гжимултовского и М. Огинского с напоминанием о необходимости выплаты остатка средств. Литовский канцлер в письме Голицыну сообщал, что посылает в Смоленск А. Константиновича, однако в отписке в Москву Бутурлин не упоминал о его прибытии⁶⁵. Возможно, Константинович должен были приехать из пограничного местечка Кадино (где находилась его резиденция), получив сведения о доставке в Смоленск предназначенной Речи Посполитой казны. Однако А. Носович был отпущен обратно в Речь Посполитую без денег. Ему было заявлено, что в связи с подготовкой похода на Крым «выдано казны на жалованье ратным людям многие миллионы», поэтому выплата денег шляхетской республике переносится на май 1687 г.⁶⁶ 12 (22) мая 1687 г. в Смоленске появился уже сам А. Константинович, вручив воеводе очередные послания Гжимултовского и Огинского с требованием денег. Б.В. Бутурлин запросил Москву⁶⁷. Только 2 (12) июня из столицы была направлена грамота в Смоленск, что собранная казна (в общей сложности около 32 тыс. руб. вместо положенных 46 тыс.) отправлена с подьячими разных приказов⁶⁸. Между тем, А. Константинович заявил воеводе, что будет ждать известий в Кадино и покинул Смоленск. Деньги прибыли в город уже после его отъезда, 11 (21) июня⁶⁹. Сообщая о своей поездке канцлеру М. Огинскому, Константинович отмечал, что Б.В. Бутурлин принял его очень вежливо и извинялся, что в феврале А. Носович уехал из Смоленска несолоно хлебавши. Воевода уверял, что в мае все будет отдано, хотя и признал, что сейчас ни денег, ни известий об их доставке не имеет. Вместе с тем он заверил земского писаря, что будет добиваться скорейшей присылки казны из столицы и немедленно сообщит ему об этом. Далее Кон-

Константинович сообщал, что затем он имел с воеводой и некие «секретные разговоры», о содержании которых обещал донести отдельным письмом⁷⁰. 7 (17) июня Константинович написал Б.В. Бутурлину из Мстиславля. Помимо текущих дел (о пропуске московских стругов с хлебными запасами по Днепру из Смоленска в Киев, о выдаче некоего литовского подданного, который, совершив убийство супругов-соседей Константиновича, бежал в Россию) земский писарь интересовался, когда можно приезжать за деньгами⁷¹. Вновь Константинович прибыл в Смоленск только 25 июня (5 июля). Деньги же он начал принимать только через пять дней, «а до того числа не принимал», — жаловался в Москву Б.В. Бутурлин: «а сказал, что у него до того числа денег принимает было некому, дожидался ис Кадина людей, кому деньги щитат, а принимают щетом с рук на руки мешкотно». Однако 1 (11) июля произошел инцидент, еще более замедливший передачу средств. Константинович спросил у подьячих, все ли положенные по договору деньги (46 тыс. руб.) будут переданы польско-литовским представителям. Подьячие, догадываясь, куда клонит литвин, заявили, что не знают и добавили: «сколько у них к отдаче денег привезено, те и принимай». Раздраженный земский писарь заявил Б.В. Бутурлину, что если деньги привезены не полностью, то он не будет принимать и «единой гривны». Воевода, не называя сумму доставленных денег, убеждал Константиновича, что все будет выплачено полностью, и одновременно запросил инструкций из Посольского приказа⁷². С большим запозданием, 12 (22) июля, из Москвы в Смоленск была направлена грамота с инструкцией: объявить Константиновичу, что отказ принять средства будет рассматриваться как нарушение с польско-литовской стороны договора о Вечном мире⁷³. Однако Б.В. Бутурлин получил ее, по всей видимости, уже после отъезда Константиновича из Смоленска. Приняв деньги, земский писарь, тем не менее, «стоял <...> упорно, не всех денег принят, и отписки дат не хотел». 13 (23) июля, после долгих споров и очередных обещаний Бутурлина, что все положенное будет выплачено сполна, Константинович дал расписку в получении денег и выехал в Литву⁷⁴.

Стоит отметить, что, несмотря на споры о деньгах, между А. Константиновичем и Б.В. Бутурлиным установились довольно доверительные отношения. Вскоре после отъезда Константинович писал воеводе: «исполняя мое обещание, а паче для

прислужения твоей милости, ведомости чужеземные посылаю»⁷⁵. Стоит отметить, что раньше земский писарь посылал в Смоленск т. н. вестовые письма или рукописные газеты среди других донесений о событиях в Речи Посполитой и окрестных странах (а оттуда они уже поступали в Москву) через посредство Н. Краевского. Теперь же Константинович решил пренебречь обычными предосторожностями.

Таким образом, день и месяц написания письма Константиновича канцлеру М. Огинскому — 9 (19) июля совпадает по времени со второй поездкой земского писаря и его длительным (более двух недель) нахождением в Смоленске. Станным было бы ожидать, что какие-то следы секретных переговоров земского писаря и смоленского воеводы могли отложиться в официальных документах Посольского приказа. Опубликованное З. Вуйчиком послание начинается со слов: «Kiedy w nową, a wielce sekretną wszedł ze mną konferencją ImćP wojewoda smoleński...»⁷⁶. Из этого следует, что «секретной конференции» предшествовали другие переговоры и логично предположить, что они касались «московских» денег, либо тех «секретных разговоров», о которых земский писарь упоминал в мае. Далее Константинович сообщал, что Бутурлин завел его в уединенное место и сначала долго говорил о доброжелательности литовского канцлера, который не только «учинил» Вечный мир, но и еще заботиться о его соблюдении. Цари, по словам воеводы, возлагают особенные надежды на М. Огинского. И хотя до Москвы доходят различные «предупреждения», сеющие недоверие к Речи Посполитой, продолжал Бутурлин, тем не менее, оба русских монарха «upewniając się przysięgą króla Imci i tak wielkich ludzi posłów, chcieliby ieszcze i w ściślejszą wniść kolligacyją»⁷⁷. То есть можно констатировать, что разговор А. Константиновича и Б.В. Бутурлина состоялся не только по заключении договора о Вечном мире (май 1686 г.), но и после присяги польского короля Яна III Собеского перед ответным русским посольством во Львов, состоявшейся в декабре 1686 г.

Важность вышеприведенного фрагмента для датировки документа требует, на наш взгляд, более подобных разъяснений каса-

* «Когда новую очень секретную начал со мной конференцию его милость пан смоленский воевода...»

** «уверяясь присягой короля Его милости и таких великих людей, как послы, хотели бы еще в теснейшее войти соединение».

тельно того, что имел ввиду Б.В. Бутурлин под присягой польско-литовских послов, тем более что в литературе церемониальные аспекты заключения русско-польского договора 1686 г. не описаны⁷⁸. После согласования текста Вечного мира в ходе московских переговоров были подготовлены две «беловые записи» договора на русском и польском языках. 26 апреля (6 мая) стороны предъявили свои тексты друг другу в Ответной палате и еще раз «справливали» их содержание. Русский вариант зачитал подъячий Посольского приказа Кузьма Никитич Нефимонов, «а с ним смотрел в тое ж запись» переводчик и секретарь польско-литовского посольства Самуил Рожицкий. Кто читал польский текст в русских источниках не указано, известно лишь, что «в полское письмо смотрили» русские переводчики Семен Лаврецкий и Степан Чижинский. После сверки текстов В.В. Голицын торжественно заявил о заключении Вечного мира и антиосманского союза, пообещав соблюдать его «крепко и нерушимо». Аналогичные обязательства от имени короля дали польско-литовские послы в ответной речи. Затем обе делегации «к договорным записям <...> всякой к своей записи подписали руки свои и печати приложили». С русской стороны это сделали В.В. Голицын, Б.П. Шереметев, И.В. Бутурлин, П.Д. Скуратов, И.И. Чаадаев, думный дьяк Е.И. Украинцев, дьяки В. Постников, П.Б. Возницын, И. Волков, с польско-литовской — К. Гжимултовский, М. Огинский, А. Пшиемский, А. Потоцкий, Н. Огинский как мечник литовский. При этом Голицын и Шереметев приложили печати «большие з гербами их на красном воску под кустодиями», а остальные русские дипломаты — «на красном сургуче перстневые». Со стороны Речи Посполитой К. Гжимултовский и М. Огинский приложили к договору печати «на красном воску большие с гербами их», а трое остальных послов — «на красном сургучу». Кроме того, дипломаты Речи Посполитой дали специальное «обещательное письмо» с обязательством соблюдать заключенный договор. Подписал его М. Огинский. С русской стороны подобный документ, врученный послам, «завизировал» Е.И. Украинцев.

Наконец, в Ответную палату были принесено «праздничное» Евангелие из Благовещенского собора. Во время выноса Евангелия перед ним шли с кадилами два дьякона и два пономаря «со свечами витыми» в серебряных подсвечниках. Евангелие положили на аналой «на восток, лицом ко встрече», по бокам поставили свечи. Польско-литовские послы положили под

него свою «договорную запись», русские дипломаты — свою («А особого Евангелия у полских послов не было», — отмечено в посольской книге). После чего ближние бояре — В.В. Голицын, Б.П. Шереметев и И.В. Бутурлин, «подступя блиско Святаго Евангелия, говорили обещание свое, каково подписано под записью все вслух, по статьям останавливаясь». Первым говорил В.В. Голицын, за ним остальные, после чего каждый походил к Евангелию, крестился и целовал закрытую книгу. Затем подобную церемонию повторили польско–литовские дипломаты. При этом они «целовали в писмо Святаго Евангелия, разогнув, где напечатано благовестие святаго евангелиста Иоанна Богослова “в начале се слово, и слово бе к Богу и Бог се слово”», а после того, согнув Святое Евангелие, полские ж послы целовали во святыи и животворящий крест, которой на том Евангелии изображен». После клятвы на Евангелии стороны «розменились» экземплярами договора. «А розменясь, ближние бояре полских послов поздравляли, а послы взаимно бояр поздравляли», а затем обменялись еще обещаниями в соблюдении мира от имени царей и короля («каковым быть во обоих сторонах государским обещаниям»). Они были подписаны членами обеих делегаций, но без приложения печатей.

В тот же день, но уже в Грановитой палате в присутствии польско–литовских послов цари Иван и Петр дали присягу в соблюдении договора на Евангелии. После взаимной присяги обеих делегаций бояре и думные люди вышли «с полскою договорною записью» к великим государям, велев дипломатам Речи Посполитой «пообождать» в Ответной палате. Затем Е.И. Украинцев позвал их в Грановитую палату, где торжественно объявил о них царям. Гжимултовский сказал ответное приветствие и вручил русский вариант текста Ивану и Петру, а те передали ее Голицыну. Оберегатель посольских дел положил обе договорные записи под Евангелие. Евангелие, еще перед приходом польских и литовских послов в Грановитую палату, вновь доставили из Благовещенского собора «на мисе, на обнизной пелене», поставив его справа от трона, «на налое от благовещения на рундук меж первого и второго окон». При выносе священной книги два дьякона шли перед ней, держа в руках «свечи белого воску литые» в серебряных подсвечниках, двое других дьяконов кадили, а за Евангелием шел «государев духовник», протопоп Меркурий. Все они были «во священных одеждах добрых».

Поприветствовав послов, Украинцев спросил их и посольских дворян «о здоровье» от царского имени и кратко изложил историю прошедших переговоров. Иван и Петр подозвали к себе «блиско» польско–литовских послов и ближних бояр Голицына, Шереметева и Бутурлина. Евангелие вместе с аналоем поднесли к царям, после чего великие государи встали с трона и торжественно обещали договор «держать во веки непременно». В момент присяги «царские венцы приняли и держали» дядьки князь Петр Иванович Прозоровский (у Ивана) и Родион Матвеевич Стрешнев (у Петра). Скипетры держали бояре Борис Гавриилович Юшков и Тихон Никитич Стрешнев. После торжественной клятвы Иван и Петр поцеловали Евангелие, на них вновь возложили венцы, вернули скипетры, и оба монарха сели на трон. В это же время Голицын взял из-под Евангелия тексты договора и встал рядом с троном. Канцлер вручил подошедшим послам русский текст Вечного мира «в камке», причем в момент передачи цари простерли («наднесли») свои руки над договором, не дотрагиваясь до него. Затем Е.И. Украинцев объявил дипломатам Речи Посполитой об отпуске, после чего цари вручили им свою грамоту для короля Яна III. В заключение Иван и Петр встали с трона, чтобы передать через польско–литовских послов свои поздравления Яну Собескому⁷⁹.

Таким образом, под присягой польско–литовских послов, о которой говорил А. Константиновичу Б.В. Бутурлин, понималась вся совокупность обязательств в соблюдении договора, взятая ими на себя 26 апреля (6 мая), и, в первую очередь — торжественная клятва на Евангелии. Итак, учитывая, что в письме А. Константиновича и о присяге послов, и о присяге короля говорится как о свершившихся фактах, можно заключить, что в июле 1686 г. (как полагал З. Вуйчик) оно не могло быть написано. А зная, что земский писарь приезжал в Смоленск в июле 1687 г. (о посещении им этого города в 1686 г. никакой информации нет) и находился там до 13 (23) числа, можно с уверенностью предположить, что послание М. Огинскому было выслано им как раз 9 (19) июля 1687 г., сразу после разговора с Б.В. Бутурлиным.

О чем же в этот день говорили наедине Б.В. Бутурлин и А. Константинович в Смоленске? Воевода подчеркнул, что уже вышеупомянутое «теснейшее соединение» России и Речи Посполитой могло бы как раз состояться при деятельном участии канцлера М. Огинского и, взяв обещание с земского писаря хранить все

услышанное в тайне, поинтересовался о возможности заключения брака царя Петра и дочери польского короля Терезы Кунегунды. Ошеломленный Константинович ответил, что ему, конечно известны случаи из истории, когда польские короли брали в жены «царевен» (ввиду имелся, по справедливому предположению З. Вуйчика, брак польского короля и великого литовского князя Александра с дочерью великого князя Ивана III Еленой), и в тоже время напомнил Бутурлину, что в обычае у царей жениться на своих подданных, а не на заграничных невестах. Воевода признал справедливость этого замечания, а затем стал расточать комплименты царевне Софье. Вот и теперь мудрая царевна, опасается, что по достижении Петром совершеннолетия, страну вновь может охватить смута (стоит отметить, что об аналогичных опасениях царевны говорила и игуменья Антонина И. Лядинскому). Поэтому Софья якобы замыслила, чтобы царь Иван, «которому Бог не дает потомства» (имелись в виду наследники мужского пола), отрекся от престола и был посвящен в сан патриарха всея Руси. При этом условии Софье удалось бы достичь соглашения с царицей Натальей Кирилловной, что Петр станет единственным монархом. Первоначально царевна будто бы хотела видеть женой Петра дочь своего фаворита В.В. Голицына, тогда как нарышкинская «партия» настаивала на замужестве царя с дочерью одного из их лидеров — Б.А. Голицына. Однако, по словам Бутурлина, оба этих варианта немедленно настроили против Голицыных представителей наиболее знатных московских родов независимо от принадлежности их к основным придворным группировкам — Одоевских, Черкасских, Милославских, Прозоровских, Долгоруких и др. Все они, включая и патриарха Иоакима, категорически выступали против возвышения Голицыных. В этой ситуации компромиссным решением, которое бы примирило обе «партии», и могла стать женитьба Петра на дочери польского короля. Выслушав все это и желая закончить разговор, А. Константинович подытожил, что не невеста должна искать жениха, но наоборот. В заключение Бутурлин еще раз просил собеседника не говорить об услышанном никому, кроме канцлера М. Огинского, который должен был донести ему о реакции королевского двора через земского писаря⁸⁰.

Недовольство придворной знати возвышением В.В. Голицына подтверждается еще одним польским источником, а именно

письмом К. Гжимултовского, написанным в августе 1686 г. В нем сообщается, что представители различных аристократических фамилий (Одоевские, Черкасские, Долгорукие) не допустили назначения сына канцлера Алексея послом в Речь Посполитую и выразили недовольство намерением В.В. Голицына возглавить поход на Крым, хотя сам он уверял воеводу, что готов сделать это⁸¹.

Имеющиеся свидетельства о назначении Голицына главнокомандующим русской армии довольно разноречивы. Р. Бутенант отмечал, что «посольских дел оберэгатель» обязательно возглавит поход из гордости, хотя Софья не хочет отпускать его из Москвы на столь длительный срок. Другим кандидатом на пост главнокомандующего был боярин, князь М.А. Черкасский, но против его отъезда из Москвы выступили уже Нарышкины. Шведский резидент сообщал, что бояре (видимо часть из них) склоняются к тому, чтобы именно В.В. Голицын командовал войском, как главный «виновник» войны, но царевна Софья якобы не поддерживает эту идею по уже упомянутым причинам⁸². А.С. Лавров, опираясь на записки Фуа де ла Невилля, полагает, что на командовании Голицына настаивали противники соглашения с Польшей — бояре П.И. Прозоровский и Ф.П. Салтыков, входившие в окружение царя Ивана⁸³. Вся эта разногласица свидетельств ярко характеризует ситуацию смещения и пересечения личных амбиций и групповых интересов. В.В. Голицын был готов возглавить поход, даже вопреки мнению Софьи. М.А. Черкасский, Долгорукие и Одоевские были недовольны таким возвышением фаворита, а П.И. Прозоровский и Ф.П. Салтыков наоборот поддерживали назначение Голицына большим воеводой, рассчитывая, что на этом поприще его ожидает неудача, которой в дальнейшем можно будет воспользоваться. Все это явно свидетельствовало о общем недовольстве фаворитом царевны среди представителей крупнейших аристократических родов.

Высказанное в разговоре Бутурлина с Константиновичем намерение Софьи и ее сторонников добиться посвящения царя Ивана в сан патриарха находит некоторые косвенные подтверждения в других источниках, в т. ч. и в русских, хотя, ни один из них не сообщает о возможном патриаршестве старшего царя. Еще в марте 1683 г. шведский дипломат Кристофер фон Кохен сообщал о возможном пострижении Ивана в монахи при сохранении Софьей полноты власти⁸⁴. В конце 1687 г. в Москве поговаривали, что Иван должен был быть посвящен в духовный

сан, но ныне от этого намерения якобы решено отказаться⁸⁵. По времени распространения эти слухи вполне можно соотнести с содержанием переговоров Бутурлина и Константиновича.

Во время следствия 1689 г. под делу Ф.Л. Шакловитого стрелецкий пятисотенный Иван Муромцев показал, что в последних числах августа 1687 г. тот предлагал ему и другим стрельцким начальникам подать челобитную о венчании царевны Софьи царским венцом во время выхода царей 1(10) сентября «во Обновление нового лета к действию». Когда стрельцы сказали, что патриарх Иоаким это дело не благословит, Шакловитый ответил «не тот де патриарх, ин де иной будет»⁸⁶. Десятник Михаил Чечотка добавил к этому, что Шакловитый говорил: «мочно де патриарха переменить, а взять бы де изо властей (т. е. из духовенства. — КК), которой на нашу руку». На вопрос стрельцов, известно ли о том царям, Шакловитый ответил: «Ведает де один государь (Иван. — КК), а другой де в малых летех»⁸⁷. Позднее на очной ставке с Шакловитым М. Чечотка настаивал, что тот «такие слова, что святейшего патриарха переменить, а взять бы изо властей или и простого старца, говорил <...> и челобитную де о перемене патриарха, на одном столпце, мелким письмом, он Федка ему казал». Под пыткой Шакловитый признал правдивость показаний И. Муромцова, но заявления Чечотки не подтвердил⁸⁸. По свидетельству стрелецкого пятисотенного Иллариона Елизарьева и пристава Обросима Петрова накануне праздника Богоявления 6 (16) января 1688 г. Ф.Л. Шакловитый в разговоре с ними зондировал возможность убийства патриарха, а также Нарышкиных и князя Б.А. Голицына и во время царского выхода к освящению воды⁸⁹.

Таким образом, замысел низвержения Иоакима обсуждался Шакловитым с вожакими стрельцов уже через месяц после беседы А. Константиновича и Б.В. Бутурлина, а слухи о возможном пострижении старшего царя ходили в Москве во второй половине 1687 г. Все это вполне могло быть связано с планами возвести Ивана Алексеевича на патриарший престол. Впрочем, согласно материалам следствия по делу Ф.Л. Шакловитого, данный план не рассматривался сторонниками Софьи как единственно возможный. В зависимости от придворной конъюнктуры в разное время Милославские должны были менять свои планы. Требовавшие этого обстоятельства часто нам неизвестны или неясны. Так, из приведенных показаний по делу Шакловитого

следует, что помимо старшего царя намечались и другие кандидаты в патриархи. Не исключено, что одной из таких кандидатур был Сильвестр Медведев⁹⁰.

Среди обсуждавшихся политических комбинаций, призванных сохранить за Софьей верховную власть, в источниках получили отражение и некие планы «раздела царства» на три части после венчания Софьи, по которым бы она и Иван (а соответственно и стоявшая за их спиной политическая группировка) получили бы две трети, а Петр Алексеевич — одну. По показаниям уже упоминавшегося Ивана Муромцева при обсуждении в конце августа 1687 г. Шакловитым и стрелецкими начальниками плана венчания Софьи на царство, его необходимость обосновывалась, между прочим, и тем, чтобы царица имела возможность претендовать на одну треть при «разделении» царства между ней, Иваном и Петром. Об этом И. Муромцев говорил и со слободчиками своего полка — Василием Загудаевым и Михаилом Даниловым, которые пересказывали планы сторонников Софьи следующим образом: «Будет де они государи поволят свое государство и к разделению, ино де ему государю царю Иоанну Алексеевичу и государыне две доли, а ему государю царю Петру Алексеевичу третья доля». При допросах в 1689 г. все трое признавали факт этого разговора⁹¹. То, что эти планы существовали, подтверждал и капитан московских стрельцов Василий Сапогов, прибывший 29 августа (8 сентября) 1689 г. в Троицу с доносом на Ф.Л. Шакловитого. Последний, по свидетельству офицера, в том же месяце, уже после открытого разрыва между двумя правящими группировками, предлагал «побить Нарышкиных», постричь в монахини царицу Наталью Кирилловну, но «опасался» царя Петра, не зная, «над ним государем, что делать?». В. Сапогов по его словам ответил, видимо, имея в виду ранее вынашивавшиеся планы: «Над ним де великим государем того злого дела учинить не мочно, *разве де им великим государем разделитца* (курсив мой. — КК.)»⁹².

План возведения царя Ивана на патриарший престол имел смысл, если бы Софью в то же время удалось венчать на царство, сделав тем самым полноправной соправительницей младшего царя. Для сохранявшей таким образом властные рычаги в своих руках «партии» Милославских, брак Петра (который к тому же все равно рано или поздно должен был состояться) уже не имел бы серьезного значения. Одновременно его женитьба на

иностранной принцессе могла рассматриваться сторонниками Софьи как уступка политическим противникам в обмен на ее венчание.

В июле 1687 г. последовали переговоры Б.В. Бутурлина и А. Константиновича и уже спустя месяц Милославские выдвигают идею венчания Софьи на царство. Существование этого плана, в отличие от туманных и мало вероятных комбинаций по разделу царства, сомнений не вызывает. В ходе сыска и следствия 1689 г. он был подтвержден рядом стрелецких офицеров и стрельцов⁹³, а также самим Ф.Л. Шакловитым. Последний свидетельствовал, что уже после совещания со стрелецкими офицерами на его загородном дворе под Новодевичьим монастырем и составления челобитной о венчании Софьи, которая должна быть подана царям 1 (10) сентября, в день празднования «новолетия», царевна «того учинить не изволила»⁹⁴. Вероятно, определяющую роль в этом решении правительницы сыграла неуверенность Милославских, что им удастся получить поддержку необходимой части правящей элиты, стрелецкого войска и опасение не откажется ли патриарх венчать Софью. Возможно, одним из мотивов отказа от планов венчания было и игнорирование Яном Собеским русских матримониальных предложений (подробней о причинах этого см. ниже), которые играли важную роль в политическом торге между двумя группировками знати в Москве. Это вновь отодвигало срок царской свадьбы и тем самым на время снижало напряженность в отношениях противоборствовавших «партий». Следует также отметить, что на переговорах с Константиновичем смоленский воевода умолчал о намерении «партии» Милославских сохранить позиции Софьи во власти и после женитьбы младшего брата. Софья и ее советники могли резонно полагать, что получение польским королем подобной информации привело бы к охлаждению его желания (как оказалось и без того слабого) породниться с Романовыми.

Говоря о заявленных смоленским воеводой Б.В. Бутурлиным планах брака царя с кем-то из Голицыных, трудно назвать имена возможных невест. Известно, что В.В. Голицын имел двух дочерей — Ирину (родилась в 1663 г.) и Евдокию (предположительная дата рождения 2 (12) августа 1680 г.)⁹⁵. П. Гордон в Дневнике под 26 января (5 февраля) 1689 г. записал, что «дочь нашего боярина (В.В. Голицына. — КК.) обручена с одним из Одоевских». Запись помещена через шесть дней после анало-

гичной заметки от 20 (30) января о свадьбе царя Петра⁹⁶. После ссылки В.В. Голицына в его бумагах была обнаружена рядная запись о сговоре дочери Ирины за стольника Юрия Юрьевича Одоевского и получении последним приданого сполна, датированная 2 (12) февраля 1689 г.⁹⁷ Возможно именно Ирина Голицына была той самой кандидаткой в невесты младшему царю. Трудно сказать, свидетельствовала ли ее свадьба с Ю.Ю. Одоевским, состоявшаяся немедленно после женитьбы царя Петра, что «посольских дел оберегатель» до определенного момента питал надежды на замужество дочери с представителем царствующего дома, однако сам по себе этот факт весьма показателен. Из многочисленных дочерей Б.А. Голицына в жены Петру могли прочить старшую дочь Евдокию (годы рождения и смерти неизвестны, замуж не вышла), Анастасию (1675—1743) — в браке с 1703 г. и, возможно, Марию (годы рождения и смерти неизвестны) — замужем с 1696 г.⁹⁸

По косвенным данным можно также судить, что переговоры о браке Петра и польской принцессы были согласованы в Москве зимой — в начале весны 1687 г., до отъезда В.В. Голицына в первый Крымский поход, а далее Бутурлин просто ждал удобного случая (прибытия в Смоленск Константиновича на достаточно длительный срок), чтобы изложить ему русские предложения. Сам смоленский воевода проявил себя в это время как сторонник Софьи и В.В. Голицына⁹⁹. По информации А. Константиновича, Б.В. Бутурлин царевну «z wielką veneracyją wspominał, iako od Pana Boga Boga prawie daną dla uspokojenia narodu naszego, przez którą i pierwsze krwie rozlanie osadzeniem dwóch (царей. — КК) na tronie zatrzymało się»¹⁰⁰. То, что это не выдумка Константиновича, а некий общий тезис в речах сторонников царевны доказывает свидетельство ахтырского полковника Ивана Ивановича Перекрестова, учителю детей которого Ф.Л. Шакловитый (в 7196 г., после завершения первого Крымского похода, т.е. осенью 1687 г.) говорил, что «премудрая» Софья «бунт утишила», имея в виду стрелецкие выступления 1682 г.¹⁰¹ Развернутое обоснование эта концепция получила в известном сочинении Сильвестра Медведева¹⁰².

* «о которой с большим почтением говорил, как о Господом Богом ниспосланной для успокоения нашего народа, благодаря которой и первое кровопролитие посредством восхождения на трон двоих (царей. — КК) остановилось».

Шифрованное письмо А. Константиновича — М. Огинскому сохранилось в деле № 47 Публичного архива Потоцких в варшавском Архиве древних актов. Оно вместе с некоторыми другими делами архива Потоцких, а также многими делами фонда 694 (т. н. архив Собеских) в Национальном историческом архиве Белоруссии содержит наибольшее количество известных оригинальных документов, относящихся к внешней политике Речи Посполитой последней четверти XVII в. Коллекцию документов обоих собраний можно даже условно назвать внешнеполитическим архивом Яна III Собеского. Наличие в нем опубликованного З. Вуйчиком документа, таким образом, дает возможность заключить, что литовский канцлер довел до сведения польского короля предложения русской стороны о браке царя Петра и принцессы Терезы Кунегунды.

Реакция польского двора на предложения Москвы неизвестна, а это свидетельствует, что она не была положительной. Для ревностного католика Яна Собеского вряд ли была приятной мысль о переходе его дочери в православие, что было бы непременно условием в случае брака Терезы Кунегунды с Петром Алексеевичем. Кроме того, известно, что польский король разочаровался в союзе с Россией уже вскоре после его заключения, когда не получил от Москвы ожидаемой поддержки в борьбе против крымских татар. Русское правительство, не дождавшись благожелательного отклика с польской стороны, не решилось начать официальную процедуру сватовства.

Наконец, не исключено, что свою роль в отношении Яна Собеского к сделанным русской дипломатией предложениям сыграло еще и то, что в 1684—1686 гг. неофициальным посредником в отношениях между Москвой и Варшавой нередко выступал литовский канцлер М. Огинский, сблизившийся с польским королевским двором вскоре после смерти в 1682 г. гетмана Михала Паца. Во время переговоров о Вечном мире между Огинским и его русским коллегой В.В. Голицыным установились достаточно доверительные отношения. Во внутрилитовских делах М. Огинский должен был оглядываться на тогдашних лидеров литовских политических кругов и ярых противников Собеского — Сапер¹⁰³. Затем он и вовсе перешел на их сторону, подписав в 1687 г. акт направленного против короля заговора магнатов¹⁰⁴.

Если высказанные предположения о датировке письма Огинского с известиями о подготовке свадьбы Петра верно, то перед

нами еще одно свидетельство, что литовский канцлер был неплохо осведомлен как о планах московской дипломатии еще до начала переговоров, так и о важных событиях внутренней политики России. Но не только русская сторона ценила связи с литовским канцлером, установившиеся в ходе переговоров в Москве в 1686 г. В апреле 1687 г. М. Огинский, торопя королевский двор с высылкой польского резидента в столицу России, сетовал, что в данный момент вынужден вести «бесплодную» корреспонденцию с сыном отсутствующего в Москве «старого Голицына», к которому совсем не испытывал доверия. Канцлер надеялся, что присланный польской стороной резидент изыщет возможности вести секретные переговоры с самой царевной Софьей, «która teraz wszystkim rządzi»¹⁰⁵. Говоря о «резиденте» Огинский намекал на желательность в этой роли своей креатуры — ждмудского подचाшия Ежи Доминика Довмонта. В итоге, добившись желаемого, Огинский рассчитывал упрочить свои контакты с В.В. Голицыным и царевной.

В первой половине марта 1687 г. в Гродно состоялась «конференция» Сапег и Огинского, на которой среди прочего обсуждался вопрос распределения денег, получаемых от России по Вечному миру, а также, по всей вероятности, и отношения Великого княжества Литовского с Россией вообще. Об этом королевский двор предупреждал один из самых преданных сторонников Собеского в Литве, литовский польный гетман Юзеф Богуслав Слушка¹⁰⁶. Сразу после этих совещаний М. Огинский попытался посредством неофициальных контактов с Посольским приказом дискредитировать политику польского короля и предложить Москве свое посредничество в контактах с Сапегами также, как ранее — с Пацами.

Через смоленского воеводу Назарий Краевский сообщил Алексею Васильевичу Голицыну, сыну «посольских дел оберэгателя» (руководил Посольским приказом, пока отец был в Крымском походе), что «в самое развудье» к нему писал вернувшийся от Огинского А. Константинович, прося о встрече. Встреча не состоялась, так как, по словам Краевского, ему «скорбному и древнему в такое развудье видетца с ним немочно было». Поскольку дело не терпело отлагательств, Константинович согласился на обмен письмами. Его послание Краевскому, переправленное последним в Посольский приказ датировано 20 (30) марта 1687 г.¹⁰⁷

* «которая теперь всем управляет».

Земский писарь сообщал смоленскому шляхтичу, что «имея поистине великую тайну, хотел есмь быть на Москве и видеться с князем его милостью Голицыным и в словесном разговоре объявить. А дело то по подобию прошлого. Быть бы пересылкам чрез твою милость и чрез меня в таком деле, что королевское величество по многим мерам склонен будучи х ковам* французским, и имея на то своих поджигателей и советников, совершенно такова святого дела (заключения Вечного мира. — *КК*) докончать не хотел, и на силу превеликую то учинил, когда пред очима было наступающее кровопролитие и утеря всего княжества Литовского со многими иными странами, однако у него ни в каком разсуждении то почтено не было, когда толь вредителной ков французской советовал, когда де мы, король, имея дацкого, шведа и иных наших союзников противу случению и союзу цесарскому, а к тому турченина и татар с саблею полскою случив, удобно бы то все, что отошло, с лишком назад возвратить, да и цесарской венец был бы на главе твоей, и ты бы королю полской, частию венгерской земли и государства московского дополнил бы, и державное государство ввел бы». По словам Константиновича, такие «думы» охватили Собеского осенью 1686 г., по возвращении из очередного неудачного молдавского похода. При этом «наипаче от братства с татары многих ради причин не хотелось ему кончать», т. е. подтверждать Вечный мир своей присягой. То, что Ян III в конце концов согласился все-таки ратифицировать русско-польский договор, объяснялось в письме усилиями сенаторов, которые «сво на правый путь возвели и очи отворили, что то <...> пагуба мало не всего христианства, когда бы той святой союз, который на силу по милосердию Божию учинился, имел бы рватис или задержатис чрез нас». «И милостию Божиею договор совершен», — резюмировал в письме Константинович от имени польско-литовской оппозиции, — «однакож, есть ли бы какая была, избави Бог, в сердцы закала у короля, и для того согласилис гетманы коронные и сенатори коронные многие к тому склонилис, да и Сапеги чрез моево господина канцлера имети общую переписку с князем его милостью Голицыным». Цель этих контактов, по словам Константиновича, состояла бы в том, «и хотя бы что хотел король, то не допускать и чтоб всякое противное намерение тому святому союзу не вредило». В заключение сооб-

* Согласно словарю В.И. Даля «ков или мн. ковы, вредный замысел, злоумышленье, заговор, коварное намерение».

шалось, что обо всем вышесказанном «ведает гораздо цесарское величество и венецияне» и выражалась надежда, что «королевское величество души и самого страха Божия и правды беречь будет и лекарства такова на злонамерение [будет] ненадобно». А. Константинович также просил Н. Краевского, чтобы все было «тайно» и сообщал, что вскоре сам приедет в Смоленск «после праздника», (видимо, речь шла о Пасхе) и поведает ему «все дело <...> совершеннее»¹⁰⁸.

Реакция русского двора на изложенные в письме Константиновича предложения Огинского была сдержанной. В Москве не желали обострять отношения с Яном Собеским из-за поддержки антикоролевской оппозиции в преддверии начала переговоров о браке Петра и Терезы Кунегунды. На это недвусмысленно намекнул Б.В. Бутурлин в ходе июльских бесед с А. Константиновичем, когда декларировал намерение России войти с польским королем в еще более тесный союз «*lubo teraz zachodzą diffidencyje i różne carów przestrogi*»¹⁰⁹.

Ни правящие круги в Москве, ни литовские магнаты не желали осложнять наладившиеся отношения, поэтому контакты Огинского и смоленского воеводы продолжались. В конце августа 1687 г. литовский канцлер писал Б.В. Бутурлину: «благодарю за все дружбы и надеяния добрые, которое в соседстве будучи, по належащему соблюдать изволишь, о которых, имея учиненное себе доношение от слуги моего Константиновича, тем надежнейшая желая дружбы, прошу вперед непременно поступати со мною желателстве, в чем отзываетца к вашей милости томуж слуге моему повелел». Канцлер интересовался, когда будет выплачен остаток суммы по договору Вечного мира 1686 г. и просил пропустить в Москву двух его людей для приобретения нужных товаров¹¹⁰.

Так или иначе, молчание польского двора в ответ на русские предложения сватовства только усугубили соперничество придворных группировок в деле выбора царской невесты. Шведский резидент в России Кристофер фон Кохен в письме от 16(26) декабря 1687 г. сообщает о слухе, будто свадьба Петра должна состояться в январе будущего года¹¹¹. В январе 1688 г. нидерландский резидент Иоганн Келлер сообщал о скорой женитьбе Петра «на красивой и молодой даме, имя которой еще

*«хотя теперь [между двумя странами] возникает недоверие, а до царей доходят различные предупреждения».

не осмеливаются произносить». «Если эта женитьба будет иметь место, — рассуждал он, — наверняка, следует ожидать чрезвычайных изменений»¹¹².

Оба дипломата не называли имя невесты, и американский историк П. Бушкович полагал, что речь идет о Евдокии Лопухиной¹¹³, не задаваясь вопросом, почему же свадьба в итоге была отложена на целый год. Теперь можно с уверенностью утверждать, что эта информация скорее всего относится к иным кандидатам или вообще была вызвана очередным витком слухов о скором браке младшего царя, которые циркулировали уже не один год (вспомним свидетельство Г.А. Шлейссингера). Некоторый свет на дальнейшие перипетии придворной борьбы вокруг свадьбы младшего царя проливают мемуары князя Б.И. Куракина. По его свидетельству в жены Петру предлагались «из знатных персон девицы». Б.А. Голицын на этот раз, видимо, попытался взять реванш за неудавшуюся свадьбу Петра с одной из своих дочерей и сватал царю свою свойственницу княжну Трубецкую. Однако замысел такой брачной партии встретил противодействие Нарышкиных и боярина Т.Н. Стрешнева, опасавшихся возвышения Голицыных и Трубецких. Чтобы не допустить этого, Т.Н. Стрешнев стал подбирать царю невесту «из шляхетства малого и сыскал одну девицу из фамилии Лопухиных» — известную Евдокию Федоровну¹¹⁴. Свадьба состоялась в январе 1689 г.

Брак Петра вызвал еще одну попытку сторонников царевны Софьи предотвратить потерю власти правительницей. Понимая, что патриарх Иоаким откажется венчать царевну на царство, Л.Р. Неплюев по указанию В.В. Голицына в феврале 1689 г. вел переговоры с находившимся в России архимандритом афонского Павловского монастыря о благословении венчания Софьи на царство вселенскими патриархами¹¹⁵.

Что касается семьи имеретинского царя, то в июле 1688 г. царь Арчил с сыновьями Матвеем и Александром был отпущен из России в Имеретию¹¹⁶. Царица Екатерина с дочерью осталась в Москве¹¹⁷. Им было указано «по челобитью» Арчила «быть при <...> царского величества дворе в милостивом их царского величества жалованье»¹¹⁸. Дальнейшая судьба Дареджан Арчиловны, или царевны Дарьи — несостоявшейся невесты Петра I — была также связана с Москвой. В 1713 г., после смерти отца, она стала во главе существовавшей в первопрестольной грузинской колонии. Большую часть времени она проживала в подмосковном

селе Всехсвятском (ныне эта территория входит в состав Москвы и расположена в северо-западной части города). Вотчина эта досталась Дарье Арчиловне от брата Александра. Он же получил Всехсвятское в качестве приданного, женившись в 1688 г. на Феодосии Ивановне, которая была единственной дочерью Ивана Михайловича Милославского (умер в 1685 г.). После смерти Феодосии (1695 г.) Всехсвятское было пожаловано имеретинскому царевичу. Умерла царица Дарья в 1740 г.¹¹⁹

В раннее Новое время личность монарха и его династические связи являлись неотъемлемой частью внешней и внутренней политики государства, а вопросы брака правителя почти всегда тесно переплетались с борьбой придворных группировок. Не стала в этом плане исключением и Россия 80-х гг. XVII в. времен «последнего боярского правления», как их иногда именуют историки.

Свидетельства о планах «партии» Нарышкиных женить царя Петра и связанных с ними интригах при царском дворе практически не нашли отражения в отечественных источниках. Одной из причин этого стало практическое отсутствие (за редкими исключениями) традиции ведения дневников и иных сочинений мемуарного характера, а, следовательно, и отсутствие исторических источников неофициального или полуофициального происхождения, которые исходили бы из круга близких к монаршему двору лиц, посвященных в хитросплетения разворачивавшейся в царском тереме политической борьбы¹²⁰. Тем не менее, сопоставление отрывочных свидетельств иностранцев с косвенными данными русских документов позволяет сделать в этом плане более или менее определенные выводы, представить основные стадии соперничества Нарышкиных и Милославских, связанные с борьбой вокруг брака младшего царя. Предлагая ниже итоговую реконструкцию этих событий, автор вполне отдает себе отчет, что в некоторой степени она основана на свидетельствах источников, которые могут иметь и другие интерпретации, а также определенных условных допущениях. Несомненно, что введение в оборот новых материалов позволит скорректировать высказанные суждения.

Итак, исходным пунктом, побудившим окружение Петра начать поиски невесты для младшего из царствовавших, но не правивших братьев, стала женитьба старшего — Ивана. Замысел женитьбы Петра на дочери имеретинского царя Дарье Арчиловне возник у Нарышкиных, вероятно, в начале 1685 г.

(возможно, что и ранее — еще в феврале 1684 г.). Одним из его инициаторов, возможно, был Б.А. Голицын.

По мере того, как дело двигалось к свадьбе, Милославские активизировали усилия, направленные на сохранение власти царевны Софьи и после бракосочетания Петра. Именование Софьи великой государыней под предлогом заключения Вечного мира с Речью Посполитой вызвало недовольство противной «партии». В свою очередь сторонники Софьи и В.В. Голицына постарались расстроить свадьбу Петра и Дарьи Арчиловны и одновременно вновь искали поддержки у стрельцов.

Срыв бракосочетания только на время снял напряженность в борьбе боярских группировок, противоречия между которыми были завуалированы, но отнюдь не разрешены, что сознавали обе стороны. Поэтому следующий, 1687 год, стал временем поиска компромисса между Милославскими и Нарышкиными. То, что попытки договориться имели место, свидетельствовал и Ф.Л. Шакловитый, сообщая, что царевна Софья бывало «от ней великой государыни (царицы Натальи Кирилловны. — КК.) прихаживала к себе светлым лицом, и в то время она великая государыня благодарствовала, что меж ними государи все добро»¹²¹. В ходе закулисных придворных переговоров стороны пытались предложить в невесты Петру своих кандидаток, Милославские — дочь В.В. Голицына, Нарышкины — дочь Б.А. Голицына. Однако подобный вариант настроил уже против Голицыных представителей всех наиболее знатных родов Российского царства, вне зависимости от их «партийной» принадлежности. В итоге оба варианта отпали, и был найден третий — сватовство Петра к дочери польского короля. Трудно сказать насколько этот шаг был обусловлен предыдущими контактами Нарышкиных с польским двором, поскольку мы не знаем, как вызревало в русских правящих кругах решение обратиться к Яну Собескому с неофициальным предложением сватовства. Несомненно, однако, что в целом польский фактор играл гораздо более значительную роль в придворной борьбе в 1682—1689 гг., нежели это считалось ранее. В частности попытка связать брачными узами Романовых и Собеских должна была подкрепить прочность заключенного сторонами в 1686 г. договора о Вечном мире и антиосманском союзе.

Таким образом, если попытка женить младшего царя на дочери Арчила была предпринята вопреки позиции Милославских, то

сватовство к польской принцессе стало результатом компромисса двух «партий». Что же могли получить Милославские взамен за поддержку очередной брачной комбинации Петра? По всей видимости, они пытались добиться от оппонентов согласия на венчание Софьи на царство. Однако компромисс не состоялся. Ян Собеский не ответил на русские предложения. Одной из причин молчания короля стало посредничество в передаче русских предложений канцлера М. Огинского, который в это время перешел на сторону антикоролевской магнатской оппозиции. Отклонение польской стороной планов Нарышкиных установить династические связи с Собескими обусловило и невозможность для Милославских осуществить планы венчания царевны-регентши.

Неудача попыток обрести почву для соглашения привела к постепенной эскалации политической борьбы в верхах русского государства. Понимая, что Петра необходимо женить как можно скорее, Нарышкины отказались от выбора невесты из иностранных владетельных домов, вернувшись к традиционному для Московского царства варианту царского брака. После некоторых внутренних дискуссий (попытка Б.А. Голицына женить Петра на Трубецкой) выход был найден в кандидатуре Евдокии Лопухиной (скорее всего, вовсе не ее имели в виду иностранные резиденты зимой 1687—1688 гг.). Состоявшаяся в январе 1689 г. свадьба заставила Милославских вновь лихорадочно искать возможности для венчания Софьи. Поиски соглашения обеих «партий» потерпели окончательный крах, и дело шло к открытому конфликту, который и должен был решить исход борьбы.

В то же время попытки женить Петра Алексеевича сначала на грузинской царевне, а затем на польской принцессе свидетельствовали, что, независимо от противостояния при дворе боярских группировок и конъюнктурных внешнеполитических расчетов, часть русской политической элиты уже в который раз стремилась прервать традицию выбора царем невесты из собственных подданных, утвердившуюся на Руси в силу ряда обстоятельств внешне- и внутривнутриполитического характера. В этом случае брак Петра с иностранной принцессой способствовал бы не только укреплению его положения внутри страны по сравнению со сводным братом Иваном, но и росту международного престижа России. В полной мере данный поворот в династической политике Романовых произошел уже в правление самого царя-реформатора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сватовстве Василия Ивановича к датской принцессе см.: *Хорошкевич АЛ.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 147—148.

² См. пространные размышления на эту тему И.Е. Забелина: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 209—214.

³ *Флоря БН.* Иван Грозный. М., 2009. С. 163, 420—423; *Хорошкевич АЛ.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 246—250; *Suchbeni-Grabowska A.* Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1560—1561) // *Homines et societas. Czasy Piastów i Jagiellonów.* Poznań, 1997. S. 213—223.

⁴ *Флоря БН.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 27.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ *Флоря БН.* Россия и чешское восстание... С. 136—137, 166—167, 187; *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 240; *Козляков ВН.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 147—148.

⁷ См., например, о проектах брака сестры царя Бориса Годунова, Ксении: *Флоря БН.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 176—183, 192—194, 200. Широко известен также факт неудачного сватовства датского королевича Вольдемара к дочери царя Михаила Федоровича (*Козляков ВН.* Указ. соч. С. 303—307).

⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Publiczne Potockich (далее — APP). Rps. 47. Т. 1. S. 91.

⁹ О сватовстве царя Федора после смерти первой жены см.: *Седов ПВ.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 383—388.

¹⁰ Упомяну лишь работы последних лет: *Седов ПВ.* Указ. соч.; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682—1689 гг. М., 1999; *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. См. также библиографию в этих изданиях.

¹¹ *Кочегаров КА.* Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 136—140.

¹² *Белов МН.* Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Диссертация... к. и. н. Л., 1947. С. 65.

¹³ *Кочегаров КА.* Указ. соч. С. 136—137.

¹⁴ *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1863. Ч. 2. С. 228—229.

¹⁵ *Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv indeholdende bidrag til Dansk historie af utrykte kilder.* Kjøbenhavn, 1882. Bind 6. S. 190. Благодаря польского исследователя, господина Яцка Бурдовича-Новицкого

за указание на данный источник. Я воспользовался электронной копией издания, размещенной на сайте www.archive.org. Об убийстве Негребецкого в июле 1684 г. пишет также П.В. Седов со ссылкой на дневник члена шведского посольства Йогана Спарвенфельда (*Седов П.В.* Указ. соч. С. 402). Мне это издание (J.G. Sparwenfeld's Diary of Journey to Russia 1684—1687. Stockholm, 2002.) оказалось недоступно. П.В. Седов также сообщает ряд любопытных фактов из биографии П. Негребецкого (*Седов П.В.* Указ. соч. С. 399—402, 474), которые не были учтены мной ранее (ср.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 135—139). Историк приводит также небезытересную информацию иностранных резидентов о причинах казни Негребецкого со ссылкой на Спарвенфельда. Кроме, собственно, переписки с польскими властями Негребецкий якобы пострадал по наговору И.М. Милославского за то, что ему покровительствовали бояре В.В. Голицын, Б.А. Голицын и И.И. Голицын, а также из-за того, что Софья не простила ему поддержки Нарышкиных в 1682 г. Первая причина, как представляется, не имела большого значения и верна лишь отчасти. Вряд ли Негребецкий одновременно пользовался покровительством Бориса и Василия Голицыных, которые были открытыми политическими противниками. Другая причина также второстепенна, но она косвенно отражает факт установления Негребецким связей с польским двором еще в 1682 г., что и стало главным мотивом его казни, либо убийства. Кроме того, Дмитрия Поплавского пытали не в 1684 г., как утверждает Седов, а, скорее всего, годом раньше.

¹⁶ *Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovits, Fédor III, et Pierre le Grand czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 291.

¹⁷ *Шмуло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. 303. Январь. С. 52.

¹⁸ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 135, 147.

¹⁹ *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego w roku 1687 // *Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku.* Warszawa, 1994. S. 37.

²⁰ Подробней см.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 135.

²¹ *Аделунг Ф.* Указ. соч. С. 227. Патрик Гордон в своем дневнике, правда, отмечал (запись от 12 (22) января 1684 г.), что Петр Алексеевич болен оспой (*Гордон П.* Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 11), однако, это вовсе не исключает вышеуказанных разногласий в русских правящих кругах. Вряд ли стоит принимать во внимание фантастическую версию французского дипломата и путешественника Фуа де ла Невилля, утверждавшего, что Софья и В.В. Голицын, женив Ивана, дали его жене в любовники некоего итальянского лекаря по причине «бессилия» мужа. С появлением у царицы Прасковьи детей, они рассчитывали лишить Петра прав на престол и добиться принятия им священнического сана, а затем объявить о настоящем отце отпрысков старшего царя, которого планировалось вновь женить, но уже так, чтобы в браке не было потомства. Это открывало путь к короне самой царевне, которая якобы наме-

ревалась обвенчаться с Голицыным (*Дела Невилль*. Записки о Московии. М., 1996. С. 160—161). Этот невероятный и практически неисполнимый план был, видимо, плодом собранных французом в русской столице слухов, к которым он добавил изрядную долю собственных домыслов.

²² *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682 — 1694 гт. // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 53. См. также: *Матвеев А.А.* Записки // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 7; *Семевский М.И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII века. Ч. 1. Царица Прасковья. 1664—1723. СПб., 1883. С. 7—9. О придворных интригах вокруг свадьбы царя Ивана см.: *Бушкович П.* Указ. соч. С. 143—144, 146—147.

²³ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 87—89.

²⁴ *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 53.

²⁵ *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 48.

²⁶ *Латтева Л.П.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 103.

²⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 75.

²⁸ Там же. Л. 76.

²⁹ Там же. Л. 77.

³⁰ Там же. Л. 78—80.

³¹ *Шлейссингер Г.-А.* Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 123—124.

³² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 117. Л. 39, 51—62. Ср.: *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. Giessen, 1958. Подробнее об экономических аспектах русско-шведских переговоров в Москве в 1684 г. см.: *Шаскальский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1994. С. 281—287.

³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 117. Л. 103, 129 об.

³⁴ *Шлейссингер Г.-А.* Указ. соч. С. 111.

³⁵ AGAD. APP. Rps. 163a. T. 14. S. 165.

³⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 137. «Лист полной мочи Речи Посполитой» от 10 (20) мая 1685 г. был подписан: познанским епископом С. Вежбовским, варминским епископом и коронным подканцлером М. Радзеевским, луцким и брестским епископом С. Витвицким, перемышльским Я.С. Збонским, виленским А. Котовичем, краковским каштеляном А. Потоцким, краковским воеводой Ш. Потоцким, виленским воеводой и гетманом великим литовским К. Сапегой, познанским воеводой К. Гжимултовским, великим коронным гетманом и воеводой русским С. Яблоновским, виленским каштеляном и польным литовским гетманом Ю.Б. Слушкой, троцким воеводой К.П. Бжостовским,

хелминским воеводой М. Дзялыньским, брацлавским Я. Гнинским, великим коронным маршалком С. Любомирским, М. Огинским, коронным подскарбием М. Замойским, литовским подскарбием Б. Сапегой, коронным подстолием А. Пшиемским, литовским писарем А. Гелгудом, коронным референдарем и варшавским старостой Я. Красинским, литовским мечником Н. Огинским, Ильяшом Михаилом Рызвольгом («подкоморий лицкий и посол депутат, назначенный к конституции Великого княжества Литовского»), королевским полковником А.Я. Потоцким, регентом коронной канцелярии С.А. Шукой (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 140 об.—145).

³⁷ См. об этом подробнее: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 134—135.

³⁸ AGAD. APP. Rps. 47. Т. 1. S. 382.

³⁹ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 358.

⁴⁰ Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974. Ч. 1. С. 184, 234—242, 254—258, 303, 319—326, 336—337, 359. Н.Г. Устрялов полагал, что русское правительство не пускало семейство Арчила в Москву, потому что не желало ссориться с Османской империей после недавно заключенного Бахчисарайского перемирия 1681 г. (*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 110).

⁴¹ Материалы... Ч. 1. С. 85.

⁴² Материалы... Ч. 1. С. 265—268 и след., 337 и след.; Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1979. Ч. 2. С. 14 и след.

⁴³ Материалы... Ч. 2. С. 27—28, 43—50.

⁴⁴ *Руммель В.В. Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 132. Среди актов, поданных С.П. Нелединским вместе с родословной росписью в Палату родословных дел в 1685 г., сохранился и наказ, данный ему из Посольского приказа в связи с поездкой к царю Арчилу (*Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 240, 248).

⁴⁵ *Наумов О.Н. Хилков Б.М.* История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008. С. 88.

⁴⁶ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 96, 99. Дворцовые разряды свидетельствуют, что в течение всего периода регентства князь Я.В. Хилков неизменно был участником придворных мероприятий в составе окружения младшего царя (Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стлб. 244, 285, 302, 322, 328, 330, 348, 361, 380, 389, 408, 420, 428, 432, 434). В октябре 1684 г. он был подвергнут опале (указ не съезжать с двора) за неявку в «поход» царя Ивана IV (*Лавров А.С.* Указ. соч. С. 89). В 1697 г. все три его сына, в т. ч. и Юрий поехали учиться за границу (*Наумов О.Н., Хилков Б.М.* Указ. соч. С. 88—91).

⁴⁷ Материалы... Ч. 2. С. 60. Нидерландский резидент в Москве Иоганн Келлер описывал въезд Арчила с семьей в Москву в депеше от 5(15) декабря 1685 г. (*Белов М.Н.* Указ. соч. С. 20).

⁴⁸ Материалы... Ч. 2. С. 118, 119.

⁴⁹ Там же. С. 126.

⁵⁰ Там же. С. 128.

⁵¹ В 1687 г. в честь Вечного мира с Речью Посполитой имеретинскому царю было пожаловано 250 руб. соболями (Материалы... Ч. 2. С. 203); в апреле 1687 г. посланы к Арчилу один мастер серебряных, другой золотых дел для изготовления иконных окладов (Там же. С. 207); в декабре того же года последовал царский указ о выдаче Арчилу 2 тыс. руб. «для ево скудости и на расплату долгов» из Приказа Большой казны (Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1979. Ч. 3. С. 15—16).

⁵² Материалы... Ч. 2. С. 119—122.

⁵³ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стлб. 1104.

⁵⁴ Бушкович П. Указ. соч. С. 154. Примечание 44.

⁵⁵ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 346.

⁵⁶ Розыскные дела... Т. 3. Стлб. 729—732.

⁵⁷ Пайчадзе Г.Г. К истории грузинской колонии в Москве в XVII—XVIII веках. Тбилиси, 1982. С. 24—33; *Его же*. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1970. С. 31—32.

⁵⁸ Розыскные дела... СПб., 1884. Т. 1. Стлб. 201—202. Ср.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 35—36.

⁵⁹ Бушкович П. Указ. соч. С. 152; *Bushkovitch P.* Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1995. Band 50. P. 87.

⁶⁰ Розыскные дела... Т. 3. Стлб. 45, 64—65.

⁶¹ Лавров А.С. Указ. соч. С. 174—178, 181.

⁶² Розыскные дела... Т. 3. Стлб. 1140, 1167. Ср.: Устрялов Н.Г. История... Т. 2. С. 35; *Погодин М.П.* Семнадцать первых лет жизни императора Петра Великого. 1672—1689. М., 1875. [Отд. I]. С. 117; *Лермонтова Е.* Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам. (Из переписки, возбужденной графом Паниным) // *Русская старина*. 1912. Кн. 2. С. 438—440. См. также информацию о принятии Софьей титула самодержицы иностранных резидентов: Бушкович П. Указ. соч. С. 152. Е.Ф. Шмурло пишет о некоем «специальном указе» января 1687 г., который формально узаконивал практиковавшееся после заключения Вечного мира титулование Софьи самодержицею (*Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 53). Однако на самом деле речь идет об именном указе, предписывавшим включать имя царевны наравне с царями в тексты жалованных грамот дворянам. Более того, этот указ касался только тех жалованных грамот, которые выдавались в честь знаменательных событий (перемирие с Польшей, Турцией и татарами, «Троицкий поход» 1682 г.), а в преамбуле (докладная выписка) констатировалось, что имя Софьи уже

указывается в жалованных грамотах, выдаваемых в честь Вечного мира. Теперь же его было решено писать и в остальных грамотах, после того, как будут использованы все «старые» листы, изготовленные в Печатном приказе (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 2. 1676—1688. С. 846—847).

⁶³ *Wójcik Z.* Plany mariażu polsko-rosyjskiego w roku 1686 // *Ludzie, kontakty, kultura. Prace, ofiarowane profesor Marii Boguckiej.* Warszawa, 1997. S. 241—245.

⁶⁴ См. об этом подробнее: *Кочегаров КА.* Указ. соч. С. 50—57 и след.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 12. Л. 73—86.

⁶⁶ Там же. Л. 93—102.

⁶⁷ Там же. Л. 103—112. См. также: Там же. Д. 224. Л. 1244—1249 (копии отписки Б.В. Бутурлина и переводов с писем М. Огинского и К. Гжимультовского).

⁶⁸ Отпуски царских грамот Б.В. Бутурлину — Там же. 1686 г. Д. 12. Л. 135—138, 146 об.—147 об.

⁶⁹ Отписка воеводы Б.В. Бутурлина от 14 (24) июня 1687 г. — Там же. Л. 149—151.

⁷⁰ А. Константинович — М. Огинскому. 18 (28) мая 1687 г. «W polu pod Hryszkowem» — AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 14. S. 111—113. При этом Константинович дословно повторял фразу Бутурлина о причинах задержки выплаты денег: «wojska podówczas właśnie wyprawione były na wojnę, na którą wyprawę nie tysiącami, ale milionami s kazni musiały iść pieniądze» (*Ibid.* S. 111).

⁷¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 40—40 об.

⁷² Отписка воеводы Б.В. Бутурлина — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 12. Л. 167—169.

⁷³ Там же. Л. 170—172 об.

⁷⁴ Отписка Б.В. Бутурлина. 14 (24) июля 1687 г. — Там же. Л. 174—177. Копию расписки А. Константиновича см.: Там же. Л. 78. См. также: Там же. Д. 224. Л. 1288 об.—1293 об. (копии отписки Б.В. Бутурлина и перевода расписки А. Константиновича).

⁷⁵ Там же. 1687 г. Д. 1. Л. 47, 49. Письмо от (19) 29 июля 1687 г. из Кадино.

⁷⁶ *Wójcik Z.* Plany mariażu... S. 243.

⁷⁷ *Ibid.* S. 243—244.

⁷⁸ Ср.: *Кочегаров КА.* Указ. соч. С. 363—364; *Устрялов НГ.* История... Т. 1. С. 168.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 123—411; Там же. Д. 224. Л. 597 об.—607 об., 706—710, 720 об.—734.

⁸⁰ *Wójcik Z.* Plany mariażu... S. 244—245.

⁸¹ *Кочегаров КА.* Указ. соч. С. 357—358.

⁸² *Бушкович П.* Указ. соч. С. 152—153.

⁸³ *Лавров АС.* Указ. соч. С. 141.

⁸⁴ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 141.

⁸⁵ Постскрипtum к письму Марциана Воловича — С.А. Шукке. 10 (20) декабря 1687 г. — AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 14. S. 1391. Автор сообщает новости, полученные с «русской почтой», которые также содержали слухи о намерении Софьи уйти в монахини: «Carówna Zophia lubo była wstąpiła w Dziwicz monastyr do czernic y habit przyjęła, znowu reworkowana w teź się rządu status interressuie, y co o Ioannie głoszoną, że y tego mieli w czerńcy wprawić znowu to ustało». Подобное известие о Софье содержится также в некоей «реляции из Москвы» от 15(25) декабря 1687 г., которая отложилась в бумагах Яна Собеского (Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 694. Оп. 12. Д. 25. Л. 1).

⁸⁶ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 102.

⁸⁷ Там же. Стлб. 36—37.

⁸⁸ Там же. Стлб. 173—175. На этот факт обращал внимание А.С. Лавров. См.: *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 171, 173—174. Совещение по поводу свержения патриарха подробно рассматривал также М.П. Погодин. *Погодин М.П.* Указ. соч. [Отд. II]. С. 192—193.

⁸⁹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 10, 121.

⁹⁰ *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 328, 345—346, 371—372. Автор вполне допускает, что Софья и ее сторонники были не прочь, чтобы Медведев занял место патриарха, однако упоминания об этом у де ла Невиля он считает слухом, а соответствующий донос некоего колдуна и знахаря Дмитрия Силина — наговором. Об обвинениях Медведева в стремлении стать патриархом сообщали и шведские дипломаты (*Bushkovitch P.* Aristocratic Faction... P. 90. Примечание 25). Планы Ф.Л. Шакловитого «переменить» патриарха связывал с намерением Медведева получить патриарший жезл Н.Г. Устрялов (*Устрялов Н.Г.* История... Т. 2. С. 33). См. также: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 71.

⁹¹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 91—92, 101—104.

⁹² Там же. Стлб. 29. На планы раздела царства обращал внимание Е.Ф. Шмурло. См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 60.

⁹³ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 5, 79—80, 116—117, 135—136, 562 и др.

⁹⁴ Там же. Стлб. 166—167. См. также: *Устрялов Н.Г.* История... Т. 2. С. 39—41; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7. С. 437—439; *Погодин М.П.* Указ. соч. [Отд. I]. С. 128—129; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 60—63; *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 171; *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001. С. 281.

⁹⁵ *Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1. С. 129. Год рождения Ирины, указанный Н.Н. Голицыным, также вызывает сомнения.

⁹⁶ *Гордон П.* Дневник... С. 186. В исторической литературе распространена другая дата свадьбы Петра — 27 января ст. ст. (*Устрялов Н.Г.* История... Т. 2. С. 28; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 436; *Погодин М.П.* Указ. соч. [Отд. I]. С. 145; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 67; *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 56; *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 138; *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 97; *Бушкович П.* Указ. соч. С. 160 и др.). Она основана на записи о

венчании Петра и Евдокии, опубликованной еще Н.И. Новиковым (Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. М., 1789. Ч. 11. С. 194) и отпуске царской грамоты воеводе Туринского острога (опубликована дважды: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Ч. 4. С. 596; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 3. 1689—1699. С. 10—11). Трудно объяснить, в чем причина подобного расхождения в датах, однако, для данного исследования оно имеет мало значения. У Гордона запись за 27 января в дневнике отсутствует.

⁹⁷ Розыскные дела... Т. 4. СПб., 1893. Стлб. 224. Таким образом Н.Н. Голицын ошибался, считая, что свадьба Одоевского и Голицыной состоялась в 1685 г. (*Голицын Н.Н.* Указ. соч. С. 129).

⁹⁸ *Голицын Н.Н.* Указ. соч. С. 130—131.

⁹⁹ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 96, 105. См. также: Дворцовые разряды. Т. 4. Стлб. 256, 266, 268, 402, 419, 446. Б.В. Бутурлин — один из немногих бояр, участвовавших 23 июня (3 июля) 1689 г. в крестном ходу в Сретенский монастырь и богослужении в Успенском соборе на Сретение, где присутствовала одна лишь Софья. Петр был в Преображенском, царя Ивана «выходу не было» (Дворцовые разряды. Т. 4. Стлб. 451).

¹⁰⁰ *Wójcik Z.* Planu mariażu... S. 244.

¹⁰¹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 659.

¹⁰² *Сильвестр Медведев.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 86—87. О восхвалении современными панегиристами царевны Софьи см.: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 213 и след.

¹⁰³ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 90 и след.

¹⁰⁴ *Rachuba A.* Ogiński Marcin Aleksander // *Polski słownik biograficzny.* Wrocław, Warszawa, Kraków, 1978. Т. 23. С. 619—620.

¹⁰⁵ М. Огинский — С.А. Щуке. Гродно. 11 (21) апреля 1687 г. — AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 14. С. 61—62.

¹⁰⁶ Ю.Б. Слушка — С.А. Щуке. 12 (22) марта 1687 г. Кобрин — Ibid. S. 1231—1232.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 73—76.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Wójcik Z.* Planu mariażu... S. 243. При этом А. Константинович в письме М. Огинскому отмечал, что уже доносил ему об этом отдельным письмом.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 114—115. Письмо от 20 (30) августа 1687 г. написано «в Стравинниках».

¹¹¹ Русская старина. 1878. Кн. 9. С. 124; *Bushkovitch P.* Aristocratic Faction... P. 89—90. См. также примечание 23. Ср.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 63.

¹¹² *Белов М.Н.* Указ. соч. С. 368—369.

¹¹³ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 160.

¹¹⁴ *Куракин Б.И.* Указ. соч. С. 55. См. также: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 67.

¹¹⁵ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 148—149. См. также: *Богданов А.П.* Указ. соч. С. 277.

¹¹⁶ Материалы... Ч. 3. С. 47—65 и след., 264. См. также: *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские... С. 31.

¹¹⁷ Материалы... Ч. 3. С. 90.

¹¹⁸ Там же. С. 139. См. также: С. 260, 261.

¹¹⁹ *Пайчадзе Г.Г.* К истории грузинской колонии... С. 31, 35—37, 39—40.

¹²⁰ См. рассуждения на эту тему П. Бушковича (*Бушкович П.* Указ. соч. С. 11—15).

¹²¹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 204.